

К вопросу понятия «правá» и «обязанности»: сравнительный анализ в либеральном западном и традиционном русском сознании (рассмотрение через систему уголовно-процессуальной и оперативно-разыскной деятельности)

Середнев В. А.

Середнев Владимир Анатольевич / Serednev Vladimir Anatolievich – преподаватель, факультет экономики и права, кафедра права, философии и социальных дисциплин, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, г. Арзамас

Аннотация: в статье автор анализирует механизм «права» в регулировании общественных отношений в области уголовно-процессуальной и оперативно-разыскной деятельности через «призму» западно-либерального и традиционного русского сознания. Автор указывает на возвращение к духовным ценностям русского народа, культура которого реализовывается и в правоохранительной деятельности, в частности такой как уголовное судопроизводство и оперативно-разыскная деятельность.

Abstract: the author analyzes the mechanism of "rights" in the regulation of social relations in the area of criminal procedure and operational-investigative activity through the "prism" of West liberal and traditional Russian consciousness. The author points to a return to the spiritual values of the Russian people, whose culture and to realize in law enforcement, in particular, such as criminal justice and operational-investigative activity.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, уголовно-процессуальная деятельность, право, правá, обязанности, либерализм, запад, русское общество, русское государство.

Keywords: operational-investigative activity, criminal procedural activities, law, rights, duties, liberalism, west, Russian society and the Russian state.

*На Востоке человеческая личность всегда была более связана с общественным целым, чем на Западе. Восток чужд был западному индивидуализму...
Алексеев Н. Н. Русский народ и государство*

Обычно под «правом» понимается предоставление возможности совершать определенные действия (положительный элемент) либо не совершать никаких действий (отрицательный элемент), которые допускаются законодательством либо «неписанными» нормами поведения (обычаем, традициями). Под «обязанностью» понимается вынужденность совершения каких-либо действий (положительный элемент) либо бездействие (отрицательный элемент). При этом не имеет значения вынужденность действий происходит от убеждений, внутренних побуждений лица или это связано с внешним воздействием на него. Связь, во взаимодействии между правами и обязанностями, образует правоотношения, в любых отраслях как права, так и человеческих обществ.

В зависимости от сочетания между собой прав и обязанностей, на наш взгляд, можно выделить следующие типы существующих правоотношений:

1. *Отношения, в которых права одного лица соответствуют обязанности другого.* Во-первых, права могут вызывать обязанности другого лица производить определенные действия. В уголовном судопроизводстве это связано, например, с проведением следственных действий (допрос участника уголовного процесса) или применением мер уголовно-процессуального принуждения, когда лицо (подозреваемый, обвиняемый), в отношении которого избрана мера пресечения (например, «подписка о невыезде и надлежащем поведении» ст. 102 УПК РФ), обязано выполнять ряд требований указанных в ст. 102 УПК РФ (не покидать постоянного места жительства без разрешения следователя, дознавателя или суда; в назначенный срок являться к следователю, дознавателю или в суд). Во-вторых, например, при допросе следователем обвиняемый, подозреваемый, потерпевший, свидетель может воспользоваться ст. 51 Конституции РФ и не свидетельствовать против самого себя и близких родственников; презумпция невиновности также относится к данному случаю.

2. *Отношения, при которых права и обязанности имеют сочетание друг в друге, входящее в правоотношения лиц.* Во-первых, многосторонние сочетания прав и обязанностей в отношении друг друга, как со стороны имеющего права (возникает обязанность воздержаться), так и со стороны имеющего обязанности (обязанность воздержаться). Эти отношения признаются преобладающими в либеральной идеологии, воздержание совершать действия могут рассматриваться как терпение друг к другу, что благозвучно называется «толерантностью». В Европе имеется соединение прав с осознанием обязанностей и эти отношения подразумевают под собой «договорную» систему управления, где действует правило «то, что у меня есть - это мое, я им вправе распоряжаться, к тебе я не лезу и тебя не

трогаю, не трогай меня и ты». Это является одним из самых классических либеральных отношений «права - обязанности». «Обязанность «уважения» к чужому является продуктом подчинения некоторой внешней необходимости или расчета: если я не буду чужого уважать, не будут уважать и моего. Следовательно, уважать приходится, с волками жить – по-волчьи выть» [1, с. 157]. Данные правоотношения просматриваются в оперативно-разыскной деятельности (далее - ОРД), в рамках прекращения уголовного дела в отношении лиц, оказывающих субъектам ОРД конфиденциальное содействие. Часть 4 ст. 18 ФЗ об ОРД «Социальная и правовая защита граждан, содействующих органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность», предусматривает при определенных обстоятельствах освобождение лиц, сотрудничающих с оперативными подразделениями, от уголовной ответственности. Или в поддержании «доброжелательного климата» в общении между властным субъектом ОРД и лицом, оказывающим ему содействие. Во-вторых, основным механизмом регулирования правоотношений выступает все то же договорное право, и в этом случае возникает многостороннее отношение, в котором у стороны «права» и положительное право и положительная обязанность, у стороны, имеющей «обязанность», возникает и право и положительная обязанность.

Такие отношения имеют место в уголовном судопроизводстве в «договорных сделках», на которых базируется экономический оборот современных западных обществ, например, когда речь идет о такой мере пресечения как залог. В-третьих, внутреннее органическое сочетание прав и обязанностей. Где имеет место некая «пропитанность» обязанности правом, а права - обязанностью, т.е. то, что можно назвать в русской топике «правообязанностью». Существует ряд институтов публичного права, где усматривается данное сочетание. Например, вопрос, связанный с понятием компетенции властных субъектов уголовного судопроизводства. В связи с этим необходимо указать «имеет место отождествление понятий «функция» и «компетенция», что не совсем с нашей точки зрения верно...» [7, с. 8]. В словаре С. И. Ожегова понятие «компетенция» дается как «круг вопросов, в которых кто-нибудь осведомлен или круг чьих-нибудь полномочий» [5, с. 440]. Соответственно «полномочие» рассматривается в данном же словаре как «право предоставления кому-нибудь на совершение определенных действий» [5, с. 835]. Необходимо обратить внимание «именно «право», а не «обязанность», о которой мы говорили выше и которой наделены государственные органы, для совершения действий на благо государства в ходе реализации целей уголовного процесса» [7, с. 8]. При избрании меры пресечения суд может удовлетворить ходатайства следователя об избрании меры пресечения «заключение под стражу», а может отказать в удовлетворении ходатайства и избрать другую, более мягкую меру пресечения в виде залога или домашнего ареста. Основной функцией прокурора, в ходе судебного производства по уголовному делу является поддержание государственного обвинения и обеспечение его законности и обоснованности. Тем не менее, одним из способов выполнения прокурором функции обеспечения законности и обоснованности обвинения в ходе судебного производства (ст. 37 УПК) является предоставленная ему законом компетенция на право не только изменить предъявленное подсудимому обвинение в сторону смягчения, но и полностью отказаться от уголовного преследования с обязательным указанием мотивов своего решения. Таким образом «... в публичных отношениях свободная возможность внутренне соединена с долгом, и право превратилось в правообязанность. Другими словами, входящее в правоотношения начало публичности, которое есть в то же время начало общественности, придает праву характер обязанности, превращает его в правообязанность, и наоборот - входящее в государственные обязанности начало публичности или общественности придает обязанностям характер права» [1, с. 159]. В-четвертых, правообязанностям могут соответствовать односторонние отрицательные обязанности других лиц, например, такие правообязанности можно наблюдать при взаимоотношениях между оперативным сотрудником и гражданином, оказывающим ему конфиденциальное содействие; именно «теплые», почти что дружеские отношения, но все таки основанные на оперативном контракте. В-пятых, правообязанностям с одной стороны соответствуют правообязанности с другой стороны. Данное сочетание мыслимо только в положительных, а не в отрицательных отношениях: ибо сама идея правообязанности включает в себя мысль о некоторой положительно направленной деятельности. Примером данного правоотношения является заключенный контракт (по своей сущности представляющий правовой договор) о конфиденциальном сотрудничестве между субъектом, осуществляющим ОРД, и гражданином (ст. 17 ФЗ об ОРД «Содействие граждан органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность»).

«Само понятие «права» связано со строго фиксируемой геополитикой, географической реальностью. Оно претендует на универсальность, но на самом деле отражает сугубо локальный процесс развития лишь одного из сегментов человечества. Иными словами, в юридической сфере вскрывается типичный обман - Запад стремится навязать свои локальные установки всем остальным народам, отождествляя свой уникальный географический и исторический опыт с «общей теорией развития», с «магистральным путем социальной и моральной эволюции» и т.д.» [1, с. 11]. На наш взгляд очень точно отмечал Н. Н.Алексеев: «Когда мы употребляем слово «право», мы уже имплицитно входим в систему западного образа мышления, попадаем в философский контекст, чуждый органицистской логике...» [1, с. 11]. Если

вспомнить социальную историю России или даже Древней Руси, то можно вспомнить такое понятие как «тягловое государство», где обязанности имели преобладание, доминирующую роль над правами. И только обязанности в традиционной русской топике должны рассматриваться как механизм реализации прав (*только выполняя обязанности можно реализовать право*). Это обуславливается тем, что в традиционном русском обществе индивидуум, (являющейся субъектом истории в либеральной идеологии) рассматривается всего лишь как часть целого – народа, нации, государства.

Нам видится, что губительно для государства рассматривать индивидуальное (индивидуума) как нечто более ценное, чем общность, тем более в отрыве от культуры, семьи, народа, нации, так как это на наш взгляд противоречит истории народа, его формирования и вхождения в состав государства при его возникновении. Поэтому возведение в ранг ценности индивидуума есть ни что иное как покушение на уничтожение права, как юридической науки в целом, и нравственных «правообязанностей», рассматриваемых в русской традиции. «На юридическом уровне тогда начала складываться искусственная и атомарная, количественная концепция «прав личности» (ставшая впоследствии знаменитой теорией «прав человека»), которая вытеснила собой органичную концепцию «прав народа», «прав государства» и т.д.» [3, с. 166].

Русское государство образовывалось и формировалось, в отличие от Западной топики происхождения, в аспекте регулировании общественных отношений в области права, где преобладала действительность обязанности над действительностью права. То есть при образовании «правообязанностей» в результате «перетекания» обязанностей в права, а прав в обязанности.

В русском сознании правообязанностям могут соответствовать односторонние отрицательные обязанности других лиц, которые связаны с нравственными нормами общежития. Классический пример, данных правоотношений описан в книге Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» [2]. Речь идет о барине, как об «отце» своих крепостных крестьян, который их опекал и оберегал, согласно человеческой нравственности русской души и правде русского человека. Нравственность это отличительная черта (должна ей быть) русских «правообязанностей», в которых она содержится, в отличие от западного права, хотя в нем и делается упор на так называемые «права человека», которые по сути носят декларативный характер. Нравственность в русской топике предполагалась всегда и в деятельности царя «в праве царя на распоряжение никто не сомневался, но столь же мало сомнения было и в том, что истинный, православный царь определяет свою власть и сознанием нравственных обязанностей, на нем лежащих» [1, с. 165].

Западное общество есть общество собственников, главная идея которых в жизненном кредо *«Не тронь меня, и я тебя не трону»*. Именно на этом принципе и образован современный либерально-демократический Запад.

Нужно быть совсем далеким от понятий политики, социологии, права и такой науки на стыке социологии и политологии как геополитика, чтобы отрицать в либеральном общественном строе существование «скрытых», «замаскированных» обязанностей. «Обязанность признается здесь только как уступка сопротивлению... Люди договариваются о власти, учреждают государство, как торговую компанию...» [1, с. 161], так происходит в государственной жизни. И не только так, ведь каждый владеет своим и не трогает чужого. Чужой может умереть от голода - это его дело, чужого не нужно трогать, до тех пор, пока он не начнет воровать («трогать») чужое. То есть в либеральном западном обществе БЕЗУСЛОВНАЯ ОБЯЗАННОСТЬ ТОЛЬКО ОДНА: «НЕ ТРОНЬ МЕНЯ», все остальные обязанности они условные, так как действует принцип договорного права. «...Западная жизнь породила великий собственнический эгоизм среднего обывателя, вытекающее из культа собственности вещепоклонство, формализм в представлениях о своих обязанностях, интересующийся только «внешней правдой» человеческих отношений, а не «правдой внутренней», не их нравственным содержанием» [1, с. 162]. Огромное отрицательное свойство либерального Запада сказалось в области государственных отношений России. Потому что между идеей создания и существования сильного государства и топикой либеральных «прав», навязанных Западом остальному миру, в том числе и России, лежит глубочайшее противоречие. Мы убеждены, что на правиле поведения «не тронь меня, и я тебя трогать не буду» невозможно построить полноценное, сильное государство. «Мир не трогаящих друг друга собственников есть, в сущности, мир анархический, который нуждается в государстве только на предмет ограждения от грабежа... в пределе своем мир собственников должен стремиться к уничтожению государства» [1, с. 163]. С их точки зрения вместо государства должно быть установлено, базируясь на принципах либерального права, договорное общество, «гражданское общество», где правам и свободам человека отдается привилегированное значение и центральное место в истории, по отношению к силе и мощи государства.

Необходимо *отказаться от абстрагирования* и деклараций, которыми пресыщены и ложно обозначены, как основополагающие идеи, принципы (в том числе и в части принципы уголовного-процесса и оперативно-разыскной деятельности), в которых указано, что права и свободы человека являются высшей ценностью. (ст. 2 Конституции РФ). В связи с этим, думается, нужно согласиться с

высказыванием В. Т. Томина: «Гиперболизация прав и свобод человека и гражданина, является сегодня стратегическим союзником организованной преступности в борьбе с правовым государством... Защита обширно и абстрактно сформулированных прав и свобод гражданина зачастую приводит к тому, что права и свободы конкретных граждан оказываются ущемленными» [9, с. 130]. Отмечая декларативную сущность «прав и свобод», уместно заметить, что при принятии действующего уголовно-процессуального кодекса 2001 года законодатель, на наш взгляд, хотел попытаться сдержать мощный порыв правоохранительных органов в борьбе с преступностью, дабы не нарушить так называемые права и свободы человека и гражданина в уголовном производстве. В результате чего в настоящее время мы имеем в уголовном производстве «форму», которая поглощает «содержание» доказательств, а значит, ставит «форму» выше, чем обстоятельства совершенного преступления. Именно формальные ограничения для субъектов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность (далее - ОРД), приводит к массе нарушений закона. Поэтому, на практике мы в получаем с одной стороны, не обеспечение интересов гражданина и защиту его от преступлений, а с другой, субъекты ОРД напоминают «пылесос» у которого малая мощность, но в результате некоего законодательного обеспечения большая «насадка», поэтому в своей деятельности «собирает мелкую пыль», не имея возможности реализовать более серьезные перспективы, по борьбе с элитарной преступностью.

Мы убеждены, что такой механизм уголовного судопроизводства, когда «форма» поглощает «содержание», когда необоснованно утверждают, что результаты ОРД не могут являться доказательствами по уголовному делу, ввиду того, что отсутствует один из критериев, признания допустимым доказательство, как «надлежащий источник» это приводит к действительному (а не декларативному) ущемлению прав потерпевшего в уголовном процессе. Формализация уголовного процесса по либеральному типу, есть ни что иное, как скрытая форма бюрократии, которая всегда была врагом чистоты, светлости, справедливости, законности, обоснованности в жизни вообще и реализации идей, целей и задач уголовного судопроизводства и оперативно-разыскной деятельности в частности. «Проводником интереса бюрократии является частный интерес, которому присваивается такой статус, чтобы национальное единство не могло возникать. И тогда у бюрократии не остается противника. Частный интерес, воплощаясь в конституционной новации, оказывается формой порабощения его носителя» [6, с. 12]. И поскольку мы считаем, что индивидуум не может рассматриваться выше и ценнее общества и государства, он может быть лишь в контексте государства, либерализация уголовного судопроизводства с ее декларативными «правами и свободами», на основании вышесказанного будет угрожать национальной безопасности и суверенитету государства. Поскольку полностью соглашались с высказыванием немецкого юриста и политического теоретика Карла Шмитта, который верно отмечал, что «либеральная конституция и либеральные ценности подрывают суверенитет государства, являются типичным прикрытием, под которым осуществляется господство вражеского государства» [10]. Более того, мы считаем, что «права и свободы человека» это идеология либерального общества, а любая идеология, если она, что-то одно утверждает, значит, что-то другое отрицает. Поэтому: утверждаешь права и свободы человека - отрицаешь мощь, суверенитет, силу и национальную безопасность государства. «Права», не перетекающие в обязанности и не образующие «правообязанности», по сути есть бессмыслица, которая навязывается либеральным Западом, русскому народу. В начале нашего изложения мы проанализировали, какие могут быть правоотношения в разрезе «права» и «обязанности». На основании этого мы видим, что регулирование уголовно-процессуальной деятельности в основном базируется на либеральных принципах. Отсутствие принципа «нравственности» в уголовном процессе это подтверждает, потому что западной модели правосознания чужды понятия «нравственность» и «совесть». Среди либеральных принципов уголовного процесса, угрожающих национальной безопасности (более того, заметим, что большинство норм - принципов либерального толка в уголовном процессе, являются механизмом сокрытия «истины») и суверенитету государства, выделяем следующие: ч. 2 ст. 11 УПК РФ «Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве»; ч. 2, 3 ст. 14 УПК РФ «Презумпция невиновности»; ст. 15 УПК РФ «Состязательность сторон» (мы считаем, что в русском миропонимании нужно говорить не о «правах», а о *«потребностях и интересах»*). Эти принципы, *во-первых*, никаким образом не могут быть связаны с достижением истины, они наоборот антипод «истины», русскому традиционному сознанию прав и обязанностей, а также являются механизмом уничтожения общей цели уголовного судопроизводства. Какая может быть единая цель судопроизводства, когда функции защиты и обвинения разделены, хотя это отчасти верно, мы с этим согласны, но самая большая опасность - пассивность суда, при состязательном уголовном процессе. *Во-вторых*, все эти три принципа связаны с либеральным институтом «прав и свобод», которые некоторые правоведы считают очевидностью. Если это так, то они видимо не понимают того, что очевидность не подлежит доказыванию, а то, что не подлежит доказыванию, является догмой или религией. С нашей точки зрения «права и свободы» есть *религия Западного атеистического мира*. Эта чуждая русским людям религия навязывается Западом, чтобы уничтожить Россию. У русских людей есть свое понимание «права».

Думается ОРД, все-таки меньше, чем уголовное судопроизводство, подвержена либерализации, это, кстати, одна из причин, как мы считаем, нежелания признавать процессуалистами за результатами ОРД статуса доказательств. Тем не менее, если рассмотреть два из конституционных принципов, входящих в правовой блок, «Принцип законности» и «Принцип уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина», то мы соглашаемся с профессором А. Ю. Шумиловым, который пишет: «Принцип законности, а также принцип уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина... не могут быть признаны реальными принципами современной ОРД. Они — всего лишь провозглашенные законодателем определенного рода заявки на принципы, т.е. принципы-намерения» [11, с. 76].

В результате того, что русское сознание приняло для себя чужую ему либеральную идеологию «В жизни нашей получилось поражающее несоответствие между юридической формой и бытом: усвоив западную юридическую форму. Мы, однако, не выработали соответствующей ей техники; в то же время, не вполне отрешившись от своих собственных форм, мы теряли постепенно все то положительное, что им было свойственно» [1, с. 167]. Мы считаем, что «Уголовный процесс должен олицетворять традиции и культурные ценности русского народа, уж если на это даже указывает ст. 18 УПК РФ «Язык уголовного судопроизводства» [8, с. 125].

Целью принятия либеральной идеологии являлось уничтожение России, через превращение ее граждан на определенном этапе в собственников, принявших в основу регулирования общественных отношений свободу договора, личной наживы и ставящей во главу угла целью своей жизни «гедонизм». Это мы и имеем в настоящее время в общественной жизни, где «... пытаются навязать Западный путь как развития общества в целом, так и навязать не свойственную русскому человеку уголовно-процессуальную деятельность» [8, с. 125].

Мы убеждены, что современному российскому обществу в правовом аспекте нужно национальное, традиционное, русское уголовно-процессуальное законодательство, базирующееся на традиция и обычаях русского народа, на его самобытности, уникальности и неповторимости его судьбы. «... у западноевропейца подход к миру - захватнический, а у русского - бытийный, что сказывается практически во всех областях нашей жизни - в обучении, в общении, в любви и браке, в вере и религии и даже во власти...Различны в западноевропейской и русской картинах мира подходы к общению и принятию решений» [4, с. 36]. Мы - русские больше тяготеем к Востоку, к стороне Азии, чем к Европе.

Наше убеждение неизменно, как и ранее мы считаем «...в настоящее время налицо крайне низкое качество всего УПК РФ в отношении как его идеологии, так и технологии, доведенная до абсурда состязательность, бесправный и безынициативный суд, который для установления истины не может и шагу без соизволения сторон. Нужен ли нам состязательный уголовный процесс? Мы думаем, что нет...» [8, с. 127-128]. Как нам выжить в этой ситуации, как стать самим собой, реализовать свой контекст русского традиционного общества, дарованного нам предками? Россия может идти по двум путям: первый - это в сторону Запада, т.е. к Евросоюзу, к США, к демократии, являющейся апологетом показной лестии власти населению («толпе»), к либеральным ценностям, что впоследствии уничтожит Россию. Можно направиться в сторону Востока, к консервативному мировоззрению, к традициям и традиционным ценностям, механизм которых сегодня как никогда нам необходим в создании справедливого, нравственного и в тоже время гуманного судопроизводства России. Именно России, которую мы, безусловно, хотим видеть как сильную державу, а возможно и Империю, а это и есть русский путь к самим себе.

Литература

1. *Алексеев Н. Н.* Русский народ и государство. М.: «Аграф», 2003. 640 с.
2. *Гоголь Н. В.* Выбранные места из переписки с друзьями. Изд-во: Азбука. Азбука-Аттикус М., 2014. 432 с.
3. *Дугин А. Г.* Русская вещь. Очерки национальной философии: в 2 т. Т. 1. М.: Арктогея - центр, 2001. 624 с.
4. *Миронова Т. Л.* Броня генетической памяти. М. Алгоритм, 2014. 252 с.
5. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка: Ок. 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов. Под ред. проф. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М.: ООО «Издательство «Мир и Образование»: ООО «Издательство Оникс», 2012. 1376 с.
6. *Савельев А. Н.* Левиафан Гоббса в понимании Шмитта // Журнал «Золотой Лев». № 249-250, 2010. С. 12.
7. *Середнев В. А.* Уголовно-процессуальные функции, как механизм обеспечения деятельности субъектов доказывания в публичном уголовном процессе. // Научный аспект. № 3-2014. Самара: Изд-во ООО «Аспект», 2014. С. 8.

8. *Середнев В. А.* Дух и культура русского уголовного процесса (идеологема). VII международная научно-практическая конференция: «Отечественная наука в эпоху изменений: постулаты прошлого и теории нового времени». г. Екатеринбург. № 2 (7), 2015. С. 125, 127-128.
9. *Томин В. Т.* «Права и свободы человека» - большой блеф XX века. (Уголовный процесс России: аспекты взаимодействия с международным правом). Омск: Изд-во Омск. акад. МВД России, 2004. 148 с.
10. *Шмитт К.* Номос Земли в праве народов. Спб.: Издательство: Владимир Даль, 2008. 670 с.
11. *Шумилов А.Ю.* Оперативно-разыскная наука в Российской Федерации: монография / А. Ю. Шумилов. В 3 т. М.: Издательский дом Шумиловой И. И., 2013. Т. I. 455 с.